

УДК 82–312.1(73)
doi 10.17072/2073-6681-2020-4-107-116

ПОИСК ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ Р. ГОЛДШТЕЙН «ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ДУШИ И ТЕЛА»

Алла Константиновна Никулина

к. филол. н., доцент кафедры английского языка

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

450000, Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской революции 3а. alla_nikoulina@mail.ru

SPIN-код: 3695-5593

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6016-1795>

ResearcherID: AAV-4746-2020

Статья поступила в редакцию 14.08.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Никулина А. К. Поиск философских основ человеческого существования в романе Р. Голдштейн «Проблема соотношения души и тела» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 4. С. 107–116. doi 10.17072/2073-6681-2020-4-107-116

Please cite this article in English as:

Nikulina A. K. Poisk filosofskikh osnov chelovecheskogo sushchestvovaniya v romane R. Goldshteyn «Problema sootnosheniya dushi i tela» [The Search for the Philosophical Foundations of Human Existence in R. Goldstein's Novel 'The Mind-Body Problem']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 4, pp. 107–116. doi 10.17072/2073-6681-2020-4-107-116 (In Russ.)

В статье рассматривается проблематика философского романа Р. Голдштейн. Автор исследования ставит целью выявить, каким образом, создавая характеры персонажей и выстраивая сюжет в соответствии с философскими теориями Декарта, Мальбранша и Спинозы, писатель демонстрирует метафизические и этические результаты следования данным убеждениям в повседневной жизни. Анализируя насыщенный символами художественный текст романа при помощи сравнительно-сопоставительного метода с привлечением классических философских текстов, автор статьи характеризует художественные приемы, используемые в произведении для создания оппозиции телесной и духовной субстанций. Данное противостояние наиболее ярко проявляется во внутренних противоречиях, формирующих основу художественного образа главной героини: конфликте рационального и эмоционального, показного и внутреннего, объективного и субъективного. Показ невозможности достижения гармонии при механическом сочетании разнородных начал интерпретируется как несостоятельность дуалистического взгляда на мир. Один из возможных путей преодоления философского дуализма раскрывается в романе через обращение к философии Мальбранша, в рамках которой разрыв между телесной и духовной субстанциями нивелируется благодаря их слиянию в идее высшего разумного начала. Однако, как демонстрируют результаты проведенного исследования, основной источник обретения гармонии и достижения нравственного прогресса ассоциируется в романе с философией Спинозы, в рамках которой не только утверждается значимость рационально-познавательного начала и здравого смысла, но и обнаруживаются практические пути объединения свободы и внимания к другому человеку, разума и чувства.

Ключевые слова: Ребекка Голдштейн; философский роман; дуализм; Декарт; Спиноза; Мальбранш.

Имя американской писательницы Ребекки Голдштейн (р. 1950) недостаточно известно в нашей стране, хотя ее художественное творчество, несомненно, представляет интерес для со-

временного читателя. В США ее писательские заслуги признаны официально: она является лауреатом нескольких литературных премий, таких как премия Национального писательского объ-

единения (1993), премия Национального еврейского литературного сообщества (1994), премия фонда Макартура (1996), Международная еврейская литературная премия Корет (2006) и др. Ее творчеству посвящен ряд статей, однако чаще исследователи обращают внимание на культурно-этническую специфику ее творчества, рассматривая его в контексте еврейской литературной традиции. Национальная проблематика, действительно, присутствует в целом ряде ее произведений, однако не исчерпывает всего многообразия тем и проблем, затрагиваемых в созданных ей книгах. Р. Голдштейн – профессиональный философ по образованию, и это накладывает неизгладимый отпечаток на ее художественное творчество. Ее романы могут быть с полным правом названы философскими, поскольку представляют собой, согласно классическому определению жанра, данному В. В. Агеносовым, «произведения, сознательно... сориентированные на художественное моделирование и жизненную проверку тех или иных научно-философских идей» [Агеносов 2012: 112].

Р. Голдштейн начинала свою деятельность с преподавания философии, однако в дальнейшем предпочла писательскую карьеру преподавательской. К жанру романа она обратилась, так как, по ее мнению, он обладает большей силой убедительности и воздействия на аудиторию, чем произведения сугубо академические. Она полагает, что «художественная литература удивительно подходит для того, чтобы решить проблему – как мы обычно говорим, что философия или наука “решают проблему” – согласования объективного знания и субъективного убеждения»¹ [Goldstein 2007: 47]. Литература, как и философия, с точки зрения Голдштейн, предоставляет читателям возможность познания мира, «пересмотра нашего места во вселенной»; но если науки апеллируют лишь к человеческому разуму, то «задача романиста – не только вовлечь читателя в поиск истины, но и, что более важно, показать, что чувствует такой искатель истины» [ibid.]. В результате, нередко случается, что чтение художественного произведения «приводит к более глубокому проникновению в суть мироздания, чем идеи, порожденные в процессе исключительно логического размышления» [Goldstein 2006: 297].

Данное убеждение обусловлено тем, что Голдштейн считает главной задачей философии как науки не просто установление обезличенной истины, но ее морально-этическое воздействие на человека. Именно поэтому в одной из статей она иронически сравнивает популярную в академи-

ческих кругах американских университетов аналитическую философию с «краткосрочным финансовым вложением» [Goldstein 2011], полагая, что мода на подобные умозрительные изыскания проходит быстро, в то время как философская классика остается неизменной в силу подлинно «человеческой» природы поднимаемых в ней вопросов. Задача художественной литературы, по ее мнению, также заключается в стремлении содействовать нравственному воспитанию человека [Goldstein, Pinker 2004: 48], поэтому в своих произведениях она стремится воздействовать не только на рассудок, но и на чувства и эмоции читателя. И хотя она признает за собой склонность к излишнему дидактизму и характеризует себя как «слишком академического философа, чтоб быть хорошим писателем» [Lang 2008: 18], ее произведения привлекают большую читательскую аудиторию и регулярно отмечаются различными литературными наградами.

Ее первый роман «Проблема соотношения души и тела» (1983), охарактеризованный обозревателем «Нью-Йорк Таймс» К. Сибом как «интеллектуальный и остроумный» [Seebohm 1983: 14], получил положительные рецензии и определил общую направленность ее художественного творчества, в котором она, как любой романист-философ, стремится «облечь философские тезисы в живую плоть подлинной человеческой истории» [Никулина 2020: 237]. Замысел романа, по ее собственному признанию, возник у нее спонтанно, но очень быстро увлек ее, несмотря на предостережения мужа и знакомых, полагавших, что это может повредить ее серьезной академической карьере: «Меня уже полностью захватила идея взять философскую проблему, которая казалась мне, если воспользоваться словами Шопенгауэра, “загадкой мира”, и попытаться выстроить на этом основании сюжет и характеры» [Sosis 2019]. Философская проблема, о которой идет речь, – это проблема соотношения духовного и материального начал в мире и человеческой природе, вынесенная автором в заглавие романа – проблема, волновавшая многие поколения философов на протяжении веков. В данной статье с помощью сравнительно-сопоставительного метода, опорой на знаковые тексты европейской философии и детальный анализ художественного текста мы намереваемся проследить, каким образом Р. Голдштейн соединяет художественные и философские элементы в романе, раскрывая метафизические и этические особенности следования определенным философским убеждениям в повседневной жизни.

Главная героиня в романе носит символическое имя Рене, с самого начала недвусмысленно отсылающее читателя к основателю философского дуализма – Рене Декарту, стремившемуся обосновать рациональный баланс духовного и материального в человеке. Рене Фоер, повествующая о своей жизни, с философскими проблемами знакома не понаслышке: стремление к интеллектуальному познанию для нее с юных лет выступало символом освобождения от тирании религиозной традиции, навязываемой ей ортодоксальной иудейской семьей и школой. Но одновременно с детства начинает выявляться и внутреннее противоречие, переживаемое героиней: необходимость соединения двух миров, существования в них обоих одновременно – мире истин религии и веры, который необходимо принимать, не размышляя, и мире истин философии и науки, где, напротив, ничто не принимается на веру и требует разумного обоснования. Героиня вынуждена учиться механически сочетать эти два мира, поскольку они оба составляют неотъемлемую часть ее жизни, но гармонии между ними возникнуть не может в силу их исключительной разнородности и прямой оппозиции. Эта оппозиция будет преследовать Рене все последующие годы. «К несчастью, ... для меня оба эти мира имеют смысл. ... И, в результате, я не могу чувствовать себя абсолютно комфортно ни в одном из них», – признается она в личном разговоре [Goldstein 1993: 36].

Именно механистичность соединения двух разнородных начал современники и потомки видели главным недостатком философского учения Декарта. Об этом же говорит Р. Голдштейн в одном из своих интервью: «Он справился с нелегкой задачей выделения проблемы сознания, что является его заслугой, но затем он решил развить эту мысль дальше и вывел из нее онтологическое заключение, которое повсеместно подвергается осмеянию» [Goldstein, Pinker, 2004]. Последнее относится к известному утверждению философа о том, что «в мозгу имеется небольшая железа, в которой душа более, чем в прочих частях тела, осуществляет свою деятельность» [Декарт 1989: 495]. Не найдя лучшего способа объяснить взаимообусловленность духовного и телесного в человеке, философ возложил ответственность за это соединение на шишковидную железу, которая и выступает у него вместилищем разумной души. Душа даруется человеку извне и «совершенно отлична от тела» [там же: 269], к которому присоединяется. В результате, телесная и духовная субстанции, хотя и составляют вместе природу человека, выступают как разнородные и зачастую от-

рыто конфликтующие между собой: в частности, в «Страстях души» Декарт пишет о «несовместимости движений, которые одновременно стремятся вызвать в железе тело посредством духов и душа при помощи воли» [там же: 502].

Конфликт «души и тела» художественно воплощается в произведении в образах целого ряда персонажей, но в первую очередь – в образе главной героини. «Проблема соотношения души и тела всегда поглощала меня», – заявляет Рене [Goldstein 1993: 151].

Практически весь сюжет романа строится на метаниях и колебаниях Рене, которая, внутренне ощущая значимость обоих начал – возвышенно-рационального и материально-телесного, пытается каким-то образом удержать в своей жизни оба, но, не обнаруживая их реальной взаимообусловленности и соединяя их механически, вместо гармоничного синтеза каждый раз приходит к разочарованию и глубокому неудовлетворению. Ее рационализм и феминизм, устремленность в интеллектуальные сферы, блестящие успехи в школе и колледже дистанцируют ее от членов семьи и общины, однако, поступив в Принстон, один из наиболее престижных университетов современной Америки, и оказавшись среди интеллектуальной элиты страны, она также не может обрести себя, осознает собственную провинциальность, серьезную недостаточность своей академической подготовки и общего кругозора и в отчаянии переключается на попытки завоевания авторитета через привлечение внимания к себе с физической точки зрения: «Если я не могу обрести подтверждение своей значимости в области духовной, я буду искать ее в области материальной» [ibid.: 16]. Но и здесь разочарование наступает быстро: «Я слишком красива для интеллектуалки, слишком интеллектуальна для красотки, но, говоря объективно, ни красива, ни интеллектуальна» [ibid.: 144]. В кратковременных сексуальных связях она безуспешно ищет высокого единения душ, а выбрав философскую специализацию в Принстоне, с большим интересом посещает курсы практикоориентированных естественнонаучных дисциплин, чем вызывает саркастические замечания в свой адрес со стороны научного руководителя. Гордое декартовское утверждение значимости субъекта «Я мыслю, следовательно, я существую», определявшее позицию Рене в годы учебы в колледже [ibid.: 16], в принстонский период неуверенности в себе и поиска подтверждения своей значимости извне начинает все чаще иронически подменяться в ее размышлениях конструкцией в страдательном залоге, где она уже больше не субъект, а только

объект воздействия внешних сил: «Меня мыслят, следовательно, я существую» [Goldstein 1993: 50].

Кульминации драматическая раздвоенность существования Рене достигает в истории ее брака с Наумом Химмелем – гениальным математиком, преподающим в Принстонском университете. Выйдя замуж, Рене долгое время не может решить, в чем заключается ее роль в семье, и это снова приводит ее к ироническому противопоставлению возвышенно-духовного и приземленно-материального: «Следует ли мне излучать благоговейно приглушенный, но неизменный восторг от осознания моей особой близости к ослепительному свету гения? Или на моем лице должна отражаться только практичность домохозяйки, способной наилучшим образом организовать повседневную жизнь выдающегося ученого? Я никак не могла решить, и обычно это приводило к тому, что я пыталась выглядеть одновременно и восторженной, и практичной, воплощением логического противоречия, что, как я думаю, и значит выглядеть душой» [ibid.: 5]. Однако, несмотря на комичность описания отдельных бытовых эпизодов совместной жизни, для Рене этот брак становится серьезной попыткой преодолеть кризис принстонского периода и отдать приоритет духовному, наглядно воплощенному для нее в лице мужа. Химмель выступает в романе олицетворением абсолютного платоновского идеализма: он не признает значимость материального, для него существуют только идеальные абстракции («тела и занимаемое ими пространство представляют собой совершенно незначительный пласт реальности», по его мнению [ibid.: 107]), он интересуется чистыми идеями («...я рано обнаружил, что люблю идеи гораздо сильнее, чем людей» [ibid.: 29]), ставит логическое познание гораздо выше чувственных ощущений («Разве это не идиотизм верить, что истина... может быть найдена эмпирическим путем?» [ibid.: 33]) и при этом полагает, что главные идеи постигаются интуитивно («Если это происходит, то происходит быстро... Я чувствую, что попадаю в отдаленную область, куда не проникал ни один смертный, и вот я там – один на один с чем-то прекрасным» [ibid.: 93]). Прямое упоминание имени Платона неоднократно появляется в тексте романа в эпизодах, связанных с характеристикой Наума; например, когда речь заходит о роли интуиции в процессе совершения научных открытий, выясняется, что «он придерживается, как многие великие математики, платоновской точки зрения» [ibid.: 46], молодежь, смеющаяся исподтишка над поведением Химмеля, сравнивается с «заточенными в

платоновской пещере» [ibid.: 27], и, наконец, после того, как Наум во время путешествия по Европе приходит к убеждению в переселении душ, Рене делает вывод: «Муж временами говорил, как сам Платон. Мне уже почти казалось, что прежде чем родиться венским математиком, возможно, он был греческим философом» [ibid.: 108].

Здесь необходимо отметить, что с Платоном у автора романа – Ребекки Голдштейн – особые отношения. Она неоднократно признавалась в том, что он относится к числу ее любимых философов, с кем она не всегда бывает согласна, но кем при этом не перестает восхищаться: «В хоре голосов, звучащих во мне, всегда присутствует строгий голос Платона, требующий от меня объяснения всей этой намеренной приверженности земному миру теней. И я пытаюсь спорить с Платоном, и, конечно, он всегда побеждает, поскольку он все-таки Платон. Иногда я спорю с ним напрямую – в философских статьях или лекциях, но чаще стараюсь создать художественное произведение, которое заставило бы его голос замолчать внутри меня» [Goldstein 2002]. Автору импонирует высокий пафос идей греческого философа, его стремление вывести человека из темной пещеры искаженных представлений к свету истины, но в то же время она не может не сознавать невозможность для человека перестать быть земным существом, вынужденным считаться с законами мира повседневности, а не только лучезарного потустороннего мира идей. «Стремление постичь реальность с помощью таких ограниченных способностей представляется мне героизмом и приводит меня в восхищение, – признается Ребекка Голдштейн в интервью Джессике Ланг. – Я восхищаюсь мыслителями наподобие Геделя или Наума Химмеля, но в то же время меня забавляет то, что эти герои-теоретики оказываются настолько неприспособленными к действительности» [Lang 2008: 11].

Рене в романе тоже восхищается Наумом-мыслителем, однако первоначальное восхищение скоро начинает уступать место разочарованию и раздражению, когда она все с большей отчетливостью начинает видеть, что гениальность Наума в абстрактно-научной сфере оборотной стороной имеет полное отсутствие интереса к окружающей действительности, повседневному поведению, близким людям: «Когда мы... сидели за столом, рассуждая о точных науках, математике или философии, Наум всегда был центром, к которому сходились все нити беседы... Но во всех остальных случаях муж терял всякую значимость, по крайней мере, для меня. Большой ча-

стью... я вообще не воспринимала его как человека» [Goldstein 1993: 254].

Таким образом, Рене, с одной стороны, тянется к возвышенно-духовному, что воплощается в выборе Наума супругом. Но, с другой стороны, абсолютный уход в духовную абстракцию для нее неприемлем, она начинает тосковать по практическому и земному. В результате, уже вскоре после свадьбы она изменяет мужу, и в чередке ее любовников наиболее знаковой фигурой выступает Дэниел Корпер. Он – талантливый физик, но ни о физике, ни о чем-либо интеллектуальном они во время личных встреч не беседуют: их отношения основываются исключительно на физической близости. Несмотря на влюбленность в Дэниела, Рене не может не отметить долю цинизма, с которым он, например, отвечает на ее вопрос: «Как тебе кажется? Ты – тело?». «Нет, разумеется нет. Но все остальные – да», – заявляет он [ibid.: 260]. Ни Наум, не обращающий внимание на человеческую природу Рене из-за погруженности в мир духа, ни Дэн, напротив, видящий в ней только тело и совершенно игнорирующий ее чувства и мысли, не способны сделать ее счастливой. Рене, у которой разумная часть пребывает с Наумом Химмелем, а телесная – с Дэниелом Корпером (с этой точки зрения автор намеренно наделяет персонажей знаковыми фамилиями: «небо» и «тело» в переводе с немецкого), несчастна с обоими, и данный символический момент полного разъединения двух «субстанций» в жизни Рене подчеркивает противоестественность дуалистического взгляда на мир.

Первое указание на возможный путь преодоления философского дуализма появляется в середине романа и обозначается символической сценой встречи Рене с карликом в Будапеште. Пока Наум участвует в работе научной конференции, Рене бродит по старому городу, где ее внимание привлекает необычный человек: «Ростом он был мне едва до пояса. Его голова в черном берете казалась неестественно большой на скрюченном, иссохшем теле, но лицо, смотревшее на меня снизу вверх, обладало почти аристократической изысканностью и светилось умом» [ibid.: 121]. Карлик не может ни передвигаться самостоятельно, ни управлять своим уродливым телом, однако в беседе с Рене он демонстрирует блестящую эрудицию, владение несколькими иностранными языками и духовную проницательность, позволяющую ему точно оценить психологическое состояние собеседницы. Кульминации разговор достигает в тот момент, когда Рене сообщает, что профессионально

изучает философию. «А, философия! Мать всех наук», – одобрительно кивает карлик и, пользуясь случаем, просит ее напомнить ему вылетевшее у него из головы имя «французского епископа, который сказал, что действительность существует только в индивидуальном сознании». Рене смущена: «Французского епископа? Боюсь, я не знаю. Вы же не про епископа Беркли говорите, нет?». – «Нет, нет, Беркли был англичанином, – возражает тот, – ...но вы не беспокойтесь. Я вспомню. Я только думал таким образом чуть сэкономить время» [ibid.: 122–123]. Имя епископа в романе так и не прозвучит, но читателю становится понятно, о ком в данном случае идет речь. Философскую систему Николая Мальбранша нередко характеризуют как логически неизбежный «переходный этап» на пути от «неустойчивого» картезианского дуализма к пантеистической модели мира, представленной, в частности, учением Спинозы [Кротов 2012: 128]. Мальбранш стремится преодолеть разрыв между телесной и духовной субстанциями, не способными, по его мнению, взаимодействовать друг с другом естественным путем, через их объединение в Боге как высшей несотворенной мыслящей субстанции. Подлинной действительностью обладают только идеи, данные в Боге, и человек способен приобщаться к ним лишь через разумное познание. Таким образом, философия Мальбранша – это шаг к созданию пантеистической модели мира, где телесное и духовное начала способны достичь баланса, но только за счет перенесения центра тяжести на субъективное познавательное начало, человеческий разум, во внутренней жизни которого достигается заветная гармония через интеллектуальное постижение идеи божества. Фигура карлика в романе призвана служить своеобразной иллюстрацией такой внутренней гармонии: его сознание ясно и спокойно, в отличие от мечущегося между двумя полюсами духа Рене; его существование не отравляют ни физическая неполноценность, ни бедственное экономическое положение (Рене встречается с ним на пороге благотворительной столовой для неимущих) – будучи частью большого божественного замысла, все это не может идти вразрез с индивидуальным разумом, постигшим его природу и ощутившим себя его частью; он обладает внутренней мудростью, знанием мира и людей, понимает разные языки и принимает все типы мышления. В результате встречи с ним Рене, действительно, на некоторое время ощущает внутреннее преображение. Когда он на прощание желает ей «хорошей субботы» на идише, она чувствует, что разорван-

ность ее мира в этот момент почти преодолевается: она с теплотой и ностальгией вспоминает детство, а в одном из мужчин, идущих по улице в синагогу, видит копию горячо любимого отца. Но подобные ощущения длятся недолго. Как только она покидает старый город, «шум и резкие очертания окружающего мира» [Goldstein 1993: 123] возвращаются, так же как все сомнения и колебания Рене, связанные с поиском самоидентичности.

Философская система Мальбранша, таким образом, способна стать одним из вариантов гармонизации мира, но, тем не менее, читатель и Рене подсознательно чувствуют ее главный недостаток, который наглядно виден в необычной фигуре карлика, выбранной автором для проведения этой философской идеи: видимая гармония, на самом деле, неполна; духовно богатый карлик остается телесно неполноценным человеком, не способным передвигаться самостоятельно и вынужденным полагаться на других для возможности продолжения своего физического существования. Духовная самодостаточность не находит необходимой основы в мире объективных материальных реальностей.

В итоге, для Рене встреча с карликом остается не более чем случайным эпизодом, после которого она снова продолжает поиск ответов на мучающие ее вопросы: далее в сюжете романа следует описание периода разочарования героини в муже и поиска новых возлюбленных. Линия ее жизни, над зигзагообразным выстраиванием которой она иронизировала прежде, снова обретает те же очертания: «Вы уже начали понимать принцип? Душа, тело. Тело, душа» [ibid.: 77]. Однако, рассматриваемые обособленно, оба начала подводят ее: отношения с Наумом не складываются, Дэн ясно дает ей понять, что продолжать отношения с ней не намерен. Заключение, к которому приходит покинутая героиня, глубоко драматично: «Как можно ожидать, что другие разделят с нами наш мир, уникальный в своей основе? Мы все одиноки, одиноки, одиноки, одиноки. Одиноки в своем собственном мире» [ibid.: 251]. Отчаяние поглощает Рене. Наступивший кризис она трактует как потерю смысла жизни и даже задумывается о самоубийстве. Последнего она, к счастью, не совершает, но, решает, что ей необходимо, по крайней мере, развестись с Наумом. Однако когда она сообщает мужу о своем решении, в ответ получает не менее неожиданное признание: он тоже находится в глубокой депрессии, так как осознал потерю своего математического дара, что для него равнозначно потере собственной идентичности,

смысла жизни: «...не думаю, что нужно объяснять тебе, что я теперь гораздо хуже остальных. Я вовсе не был, как все, только плюс еще что-то. Чтобы можно было это что-то отнять и получить такого же человека, как все. Это что-то было моим всем, моим существом. И вот больше ничего не осталось» [ibid.: 267]. Идеалистическая платоновская вселенная Наума, имевшая в своей основе лишь духовное, таким образом, терпит полный крах, как и дуалистическая декартовская система Рене.

Итак, оба центральных персонажа в кульминационный момент сюжетного развития оказываются в практически экзистенциалистской ситуации отчаяния, осознания бессмысленности и пустоты открывающихся перед ними пространств. Может ли что-то помочь преодолеть кризис?

Экзистенциализм, столь популярный в XX в., никогда не импонировал Голдштейн. В одной из статей, уподобляющей моду на философские учения торгам на бирже, писательница заявляет: «Растущая стоимость акций Спинозы указывает на то, что постмодернизм, пренебрежительно относящийся к разуму, начинает терять в цене. Я бы посоветовала срочно избавляться от вложений в Хайдеггера» [Goldstein 2011]. Здесь автор открыто демонстрирует собственные философские идеалы: для нее объективный смысл во вселенной определенно есть, и он обретается человеком на пути разумного анализа и познания. Именно стремление к разумному, а не эмоциональному восприятию ситуации, желание понять других, а не возложить на них ответственность за свои неудачи становится для Рене способом преодоления кризисной ситуации в ее жизни.

Писательница не раз заявляла, что Спиноза – самый близкий ей философ, его идеи она полностью разделяет [Norman 2014]. Ее привлекают в нем рационалистичность, материализм, стоическая этика. Голдштейн никогда не скрывала своих атеистических взглядов, и Бог Спинозы, по сути, отождествляемый с природой во всей ее полноте, – наиболее приемлемый для нее Бог. Разумное преклонение нидерландского философа перед природой, сугубо земной характер его этики импонируют ей. По мере развития действия романа становится понятно, что произведение задумывалось как конечное утверждение именно спинозистского взгляда на мир.

Имя Спинозы появляется в романе довольно рано; Рене ссылается на философа, когда размышляет о могуществе разума: «Я всегда воспринимала ум как силу, высшую силу. Понимание – не средство овладения истиной, а сама истина (см. у Спинозы)» [Goldstein 1993: 96]. Од-

нако она вряд ли глубоко задумывается над смыслом произносимого, тем более что эта ссылка нужна ей единственно для того, чтобы объяснить предпочтение в качестве возлюбленных людей интеллектуально развитых.

В это же время в романе появляется и другой скрытый намек на Спинозу: Рене берет с собой в первую совместную поездку с Наумом в Италию роман Дж. Элиот «Миддлмарч». Р. Голдштейн не раз говорила, что это ее любимое произведение [Sosis 2019], и она трактует его в духе Спинозы. Рене, читая Элиот, обнаруживает нечто внешне схожее между собой и Доротеей Брук, но главное – то, что финал ее замужества будет практически таким же – в тот момент, конечно, не подозревает. Поэтому и спинозистские прозрения Доротеи она оценить еще не может, этого и нет в романе, но читатель понимает, что Голдштейн заставляет героиню взять с собой в поездку именно эту книгу как предвосхищение философского открытия, которое она должна будет совершить позже.

Имя Спинозы и дальше время от времени встречается в тексте романа – в основном в виде остроумных цитат, как, например, в разговоре Рене и Дэниела на вечеринке. Рене, желая произвести впечатление на нового собеседника и продемонстрировать, что она начитана в философии, парирует одну из реплик Дэна цитатой из Спинозы: «Быть свободным – значит действовать в соответствии со своими желаниями» [Goldstein 1993: 225]. Но опять она вряд ли до конца понимает, что говорит, поскольку истинная концепция свободы у Спинозы как раз противоположна тому вульгаризованному ее понятию, которое демонстрирует здесь Рене, приводя данную фразу в качестве обоснования своего намерения продолжать курить, несмотря на недовольство Наума, не переносящего запах табака. Спиноза, напротив, предостерегал против такого понимания свободы: «Большой частью люди думают, кажется, что они свободны лишь постольку, поскольку им позволено повиноваться своим страстям» [Спиноза 2013: 346]. Истинная же свобода, с точки зрения философа, заключается во внутренней потребности действовать в соответствии с велением разума, воспринимая объективную необходимость как собственную волю и не чувствуя в этом противоречия. Человек, достигший такой свободы, перестает страдать от перипетий судьбы и обретает спокойный и благожелательный взгляд на мир.

Истинное понимание Спинозы приходит к героине только к концу романа. При этом прямые цитаты из работ философа к этому времени исче-

зают из текста произведения вполне намеренно: происходит проникновение в суть, а не букву учения.

Осознание трагедии, которую переживает муж, впервые заставляет Рене попытаться взглянуть на мир его глазами и, в результате, увидеть в нем не безличного «гения», каким он был для нее до сих пор, но страдающего человека, личность с набором противоречивых человеческих качеств, которую прежде она отказывалась в нем видеть. Внимание, обращенное к Другому, становится путем, позволяющим преодолеть трагическую потерянность внутри себя, расширяет узкие границы замкнутого внутреннего мира. «Мы есть миры в самих себе, как сказал Лейбниц. Но непроницаемые ли?» [Goldstein 1993: 239], – прежняя смутная догадка Рене в новой ситуации начинает обретать черты нового видения.

«Витгенштейн утверждал, что не существует такого понятия, как индивидуальный язык. Я берусь утверждать, что не существует такого понятия как индивидуальная значимость (private mattering)» [Norman 2014], – заявляла Р. Голдштейн, обобщая свою философскую позицию, во многом близкую к позиции Спинозы. Человек – существо социальное, он не может жить обособленно от других и, соответственно, способен обрести собственную значимость, только считая и других значимыми. Это новое открытие меняет мировоззрение Рене в романе: «Из каких областей Бог взирает на нас? Ни из каких, разумеется. Не потому что люди не имеют никакой объективной значимости, но как раз потому, что имеют. Имеют, и все. Любая же теория, стремящаяся определить степени значимости, установить, кто обладает значимостью, а кто нет, лишена объективного смысла» [Goldstein 1993: 273].

«Я всегда любила в терминах доминирования», – констатировала героиня в начале произведения [ibid.: 96], однако к его концу она пересматривает свое убеждение. Ее воинственный пыл, стремление во что бы то ни стало доказать окружающим собственную исключительность, повышающую «индивидуальную значимость», уступают место «объективной рациональности», по ее собственному выражению [ibid.: 273], и здравому смыслу. Как и Спиноза, она начинает понимать, что «души побеждаются не оружием, а любовью и великодушием» [Спиноза 2013: 306], и это становится залогом нравственного прогресса, «всегда обнаруживающего скрытое руководство со стороны разума», с точки зрения Голдштейн [Norman 2014].

«Такая позиция дает мне чувство освобождения», – суммирует Рене [Goldstein 1993: 273],

и теперь это свобода подлинная, та, о которой писал Спиноза: она осознает свои пределы, стремится не бунтовать, а принимать мир таким, какой он есть, и в этом новом видении обретает новые перспективы, способность в своем внутреннем развитии двигаться вперед без преград, а не наткаться все время на непреодолимые барьеры, как прежде происходило в ситуации Рене.

В финале произведения читатель видит, что героиня больше не стремится оценивать людей и вещи, брать чью-то сторону. Но она оказывается способна понять их, а из понимания рождается желание помочь: «Люди и их страдания имеют значение. Наум страдает, и его страдание значит не больше и не меньше, чем страдания кого бы то ни было. Но то, что меняет положение дел для меня, – это то, что я могла бы изменить его положение. И я, действительно, хотела бы это сделать» [Goldstein 1993: 274].

В отличие от Декарта, считавшего, что человек, выбравший для себя путь разума, способен полностью искоренить в себе аффекты, порождаемые на бессознательном уровне, Спиноза, а вслед за ним и Р. Голдштейн, уверены, что чувства и эмоции составляют неотъемлемую часть человеческой природы, однако, чтобы не оказаться у них в рабстве, их необходимо понимать и контролировать разумом: «Познающий себя самого и свои аффекты ясно и отчетливо любит Бога, и тем более, чем больше он познает себя и свои аффекты» [Спиноза 2013: 327]. К пониманию этого приходит Рене в конце романа. Она остается человеком чувствительным и переживающим, но ее слепые страстные метания прекращаются. Пережив кризис и попытавшись трезво взглянуть на собственную ситуацию, она успокаивается, начинает рассуждать здраво; принимает Наума таким, какой он есть, и старается, как может, облегчить его жизнь; возвращается в университет, который практически оставила раньше; начинает сближаться со своей давно покинутой семьей и родственниками.

В интервью Э. Норману Р. Голдштейн упоминает спецкурс, озаглавленный «Литература отчаяния и надежды», который она вела в Нью-Йоркском университете: «о литературе, созданной под влиянием Спинозы – литературе надежды, и под влиянием Шопенгауэра – литературе отчаяния» [Norman 2014]. Шопенгауэровская воля неразумна, и подчинение ей ведет к трагедиям. Разум Спинозы, напротив, восстанавливает мировую гармонию, и с этой точки зрения ассоциируется у писателя с надеждой. Показательным в этом отношении является тот факт, что роман Голдштейн, выросший, как было упомя-

нуто в начале статьи, из фразы Шопенгауэра, в результате развития сюжета и характеров приводит к конечному утверждению именно спинозистского взгляда на мир. Соединение свободы и внимания к другому человеку, разума и любви является, с точки зрения автора, главным способом достижения внутреннего баланса и уверенного взгляда в будущее.

Таким образом, в своем философском романе через обрисовку характеров персонажей и моделирование их линии поведения в соответствии с философскими теориями Декарта, Мальбранша и Спинозы Р. Голдштейн стремится исследовать практические этические последствия принятия данных убеждений для выстраивания частной жизни, указать на опасность искажения человеческой природы в результате намеренного обособления как материальной, так и духовной составляющей и утвердить значимость рационально-познавательного начала в эпоху преобладания идей хаоса и нравственного релятивизма.

Примечание

¹ Здесь и далее все цитаты из англоязычных источников приводятся в переводе автора статьи.

Список литературы

Агеносов В. В. Избранные труды и воспоминания. М.: АИРО-XXI, 2012. 704 с.

Декарт Р. Сочинения в 2 т.: пер. с лат. и франц. / сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.

Кротов А. А. Мальбранш и картезианство. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. 320 с.

Никулина А. К. «Вырваться за пределы языка»: речь и молчание в романе Д. Ф. Уоллеса «Бесконечная шутка» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 235–249.

Спиноза Б. Этика / пер. с лат. Я. М. Боровского, Н. А. Иванцова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. 352 с.

Goldstein R. Sell Descartes, Buy Spinoza // Prospect. 2011. May 25. URL: <https://www.prospect-magazine.co.uk/magazine/sell-descartes-buy-spinoza> (дата обращения: 24.06.2020).

Goldstein R. The Mind-Body Problem. New York: Penguin Books, 1993. 275 p.

Goldstein R. The Fiction of the Self and the Self of Fiction // The Massachusetts Review. 2006. Vol. 47. No. 2. P. 293–309.

Goldstein R. Why I've Learned to Love the Novel // New Scientist. 2007. August 25. P. 46–47.

Goldstein R. Writers on Writing: Carried from the Couch on the Wings of Enchantment // New

York Times. 2002. December 16. URL: <https://www.rebeccagoldstein.com/content/writers-writing-carried-couch-wings-enchantment> (дата обращения: 24.06.2020).

Goldstein R., Pinker S. The Seed Salon // *Seed*. 2004. Summer. URL: https://www.rebeccagoldstein.com/files/rgoldstein/files/2004_08_salon.pdf (дата обращения: 24.06.2020).

Lang J. An Interview with Rebecca Goldstein // *Contemporary Literature*. 2008. Vol. 49. No. 1. P. 1–23.

Norman A. The Machinery of Moral Progress: An Interview with Rebecca Newberger Goldstein // *Humanist*. 2014. August 27. URL: <https://thehumanist.com/magazine/september-october-2014/features/the-machinery-of-moral-progress-an-interview-with-rebecca-newberger-goldstein> (дата обращения: 24.06.2020).

Seebohm C. Husbands, Lovers and Parents // *New York Times*. 1983. September 25. Section 7. P. 14.

Sosis C. What Is It Like To Be a Philosopher? An interview with R. Goldstein. 2019. October 10. URL: <http://www.whatisitliketobeaphilosopher.com/#/rebecca-goldstein> (дата обращения: 24.06.2020).

References

Agenosov V. V. *Izbrannye trudy i vospominaniya* [Selected works and memoirs]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2012. 704 p. (In Russ.)

Descartes R. *Sochineniya: v 2 t.* [Works in 2 vols.]. Transl. from Latin and French. Comp., ed., introd. by V. V. Sokolov. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 1. 654 p. (In Russ.)

Krotov A. A. *Mal'bransh i karteziyanstvo* [Malebranche and Cartesianism]. Moscow, Moscow University Press, 2012. 320 p. (In Russ.)

Nikulina A. K. 'Vyrvatsya za predely yazyka': rech' i molchanie v romane D. F. Wallasa 'Beskonechnaya shutka' ['To run against the boundaries of language': speech and silence in D. F. Wallace's 'Infinite Jest']. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2020, issue 63, pp. 235–249. (In Russ.)

Spinoza B. *Etika* [Ethics]. Transl. from Latin by Ya. M. Borovskiy, N. A. Ivantsov. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Artticus Publ., 2013. 352 p. (In Russ.)

Goldstein R. Sell Descartes, buy Spinoza. *Prospect*, 2011, May 25. Available at: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/sell-descartes-buy-spinoza> (accessed 24.06.2020). (In Eng.)

Goldstein R. *The Mind-Body Problem*. New York, Penguin Books, 1993. 275 p. (In Eng.)

Goldstein R. The fiction of the self and the self of fiction. *The Massachusetts Review*, 2006, vol. 47, issue 2, pp. 293–309. (In Eng.)

Goldstein R. Why I've learned to love the novel. *New Scientist*, 2007, August 25, pp. 46–47. (In Eng.)

Goldstein R. Writers on writing: Carried from the couch on the wings of enchantment. *New York Times*, 2002, December 16. Available at: <https://www.rebeccagoldstein.com/content/writers-writing-carried-couch-wings-enchantment> (accessed 24.06.2020). (In Eng.)

Goldstein R., Pinker S. The seed salon. *Seed*, 2004, summer. Available at: https://www.rebeccagoldstein.com/files/rgoldstein/files/2004_08_salon.pdf (accessed 24.06.2020). (In Eng.)

Lang J. An interview with Rebecca Goldstein. *Contemporary Literature*, 2008, vol. 49, issue 1, pp. 1–23. (In Eng.)

Norman A. The machinery of moral progress: An interview with Rebecca Newberger Goldstein. *Humanist*, 2014, August 27. Available at: <https://thehumanist.com/magazine/september-october-2014/features/the-machinery-of-moral-progress-an-interview-with-rebecca-newberger-goldstein> (accessed 24.06.2020). (In Eng.)

Seebohm C. Husbands, lovers and parents. *New York Times*, 1983, September 25, Section 7, p. 14. (In Eng.)

Sosis C. What is it like to be a philosopher? An interview with R. Goldstein. 2019, October 10. Available at: <http://www.whatisitliketobeaphilosopher.com/#/rebecca-goldstein> (accessed 24.06.2020). (In Eng.)

THE SEARCH FOR THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF HUMAN EXISTENCE IN R. GOLDSTEIN'S NOVEL 'THE MIND-BODY PROBLEM'

Alla K. Nikulina

Associate Professor in the Department of English Language

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

3a, Oktyabrskoy revolyutsii st., Ufa, 450000, Russian Federation. alla_nikoulina@mail.ru

SPIN-code: 3695-5593

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6016-1795>

ResearcherID: AAV-4746-2020

Submitted 14.08.2020

The research examines the main problems raised in Goldstein's philosophical novel. The paper aims to reveal how the creation of the characters and the development of the plot in accordance with the philosophical theories of Descartes, Malebranche and Spinoza allow the writer to explore the metaphysical and ethical consequences of following their philosophical ideas in everyday life. Applying the comparative method of analysis to the novel and the classical philosophical texts, the author of the study interprets the text of the novel, rich in symbols and intentionally foregrounded details, and discloses the artistic means used for creating the opposition of the material and the spiritual. Primarily, the confrontation becomes apparent in the image of the central character and her persistent inner conflicts between the rational and the emotional, the publicly displayed and the internal, the objective and the subjective. The main character's failure to achieve life harmony by a mechanical combination of heterogeneous principles is viewed as a crucial detail, with the help of which the writer strives to emphasize the inconsistency of the dualistic worldview in general. One of the possible ways to overcome philosophical dualism is found in Malebranche's philosophy, in which the gap between the material and the spiritual is bridged by their unification in the idea of the primary rational source; however, the concept does not look impeccable, with too much emphasis given to the mind at the expense of the body. The main opportunity to achieve harmony and moral progress is finally associated with Spinoza's philosophical guidelines, which not only assert the importance of the rational cognitive principles and common sense but also demonstrate practical ways to combine freedom and care for another person, emotions and reason.

Key words: Rebecca Goldstein; philosophical novel; dualism; Descartes; Spinoza; Malebranche.